

О БЕЛЯЕВЕ Н. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БЕЛЯЕВ Николай Александрович, родился в 1873 в села Елаур (Чувашия). С 1886 — работал у кузнеца, с 1891 — кочегаром на мельнице, затем масленщиком на пароходах, посещая вечерние курсы в Астрахани. Работал в Баку в мастерских на промыслах, слесарем в акционерском обществе "Электрическая сила". В 1901 — женился на Екатерине Аристарховне Беляевой. В 1903 — активный участник забастовки, арестован и заключен в тюрьму, через 4 месяца выслан на родину. В 1904 — вернулся в Баку, продолжил работу там же. В 1905 — один из руководителей забастовки, участник переговоров с властями, после чего вновь уволен с работы, работал в частной мастерской. В 1908 — окончил школу судовых механиков, с 1909 — проживал с женой и четырьмя детьми в Новониколаевске, работал механиком в бане, с 1912 — помощником машиниста на мельнице, с 1913 — на постройке железнодорожного моста. С 1915 — работал на своей мельнице (в 1924 — мельницу отобрали, в 1927 — после суда вернули). 30 января 1930 — раскулачен и лишен избирательных прав, 21 февраля арестован и выслан в Туруханский край.

В октябре 1930 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена, Екатерина Аристарховна Беляева.

<30 октября 1930>

«Председательнице Красного Креста,
Екатерине Павловне Пешковой

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Прошу вас, не откажите пожалуйста прочитать, что я вам пишу, я называю все по старому, новые названия я плохо запоминаю.

Я — Екатерина Аристарховна и муж мой Николай Александрович Беляевы, жители Новосибирского округа Поченевского района, села Заколусное. 1930-го 30-го января нас с мужем раскулачили и лишили избирательных прав. Причина того то, что у моего мужа была паровая мельница, шести-сильный локомотив и камень "семерик". За последнее время мельницу обслуживали сами. Н*<иколай>* А*<лександрович>* являлся хозяином и платил все, что предъявлялось властями, и в то же время он был сам механик, и *<в>* засыпке ему помогал сын младший, 17 лет, иногда и я помогала, кроме этого у нас было маленькое хозяйство. 1930-го 30-го января властями было предъявлено, чтобы мы в 24 часа освободили мельницу и дом, который был на одной усадьбе с мельницей. Повинуясь властям мы пошли из дому и с мельницы, в чем были одетые, но, между прочим, в доме оставалась обстановка, в кухне кухонная утварь, а в мельнице инструмент и материалы, а во дворе скотина. Ну, пусть это все будет так. 21-го февраля 1930-го мужа забрали и отправили в РИК, а 25-го февраля его отправили в Новосибирское Гепеу, а затем отправили в ИТД № 2. 14-го марта я пришла с передачей, мне вернули обратно передачу и сказали, что выбыл в Гепеу. 15-го я пошла в Гепеу, здесь мне сказали, справьтесь у прокурора. Я пошла к прокурору, они меня направили в секретную часть. В секретной части мне сказали, отправлен в Туруханский край. Я просила секретную часть, чтобы мне дали сведения более подробные, мне в этом отказали, а в заключение добавили, придет на место ссылки, он вам на письме и укажет свой адрес. А теперь уже октябрь проходит, я не знаю где мой муж, несмотря на то, что я справлялась в секретной части еще несколько раз. Ответ было один и тот же. И от мужа письмо не получала, если судит по семейным

обстоятельствам, то я от него не заслуживали такого внимания, чтобы он не писал мне писем, наконец он мог бы написать детям о себе, которые остались со мной.

Многоуважаемая Екатерина Павловна, я обращаюсь к вам с просьбой, в чем я уверена, что вы мне не откажете: благодаря вашему непрерывному труду вы узнаете о судьбе моего мужа, где и что с ним, в тюрьме он или в ссылке, а может быть, его живого нет. Пусть будет так, я совсем мирюсь, если судьбой предназначено ему. И как я могу оставаться в таком неведении, проживши с человеком 30 лет и иметь большую семью, я как-то должна почтить его память. Он не заслуживает того должного внимания, чтобы я оставила его без хлопот и без внимания, ведь он тоже на что-то надеется, у него есть семья, которая ему поможет в трудные минуты, ему уже 60 лет.

Причина его ареста была то, что якобы он агитировал против коллективизации, а по мельнице за ним задолжностей никаких не было, ни хлеба, ни денег. Поступали заявления по адресу моего мужа к председателю сельсовета, я конечно не могу назвать фамилии, кем подавались заявления. Только я слышала между разговоров: члены ячейки и учитель, и другой учитель, и его жена учительница были очень против его настроены. Первое, по личным счетам, все должны ему были, должны ему всем, чем только можно, хлебом, дровами и деньгами. Работали в кузнечном без всякой платы, которая была при мельнице для обслуживания ее, а поэтому он не являлся таким, каким они его понимали. Затем он всегда уличал их в их несправедливости, проповедуя одно, а сами проявляют другое. Вот эти товарищи-доносчики едва могли дожидаться желанной минуты и стряхнуть с него укоризненный взгляд старого "революционера". Он им всегда говорил, как вы пошлы, и подлы, и низки, жалкое отродье рода человеческого. Несмотря на то, что вы партийные, а варите самогонку, а жены ваши спекулируют, а семейные обстоятельства до унизости гадки. Учитель первый позволяет использовать учительницу, которая прислана к нему в помощницы, дело доходит до суда, и он, Песчанов, издевается над своей семьей, а учительница Князева подает на него в суд. Второй учитель и его жена-учительница Пустобаевы ратуют за коллективизацию, а сами дело имеют с кулаком. Жена отправляет мужа в другой поселок к мельнику за 20 верст, мельник, конечно, человек привыкший встречать всех, конечно и учителя нашего не оставит без внимания, предварительно его напоил допьяна и надавал ему, в чем он нуждался, усадил его в сани, дал вожжи в руки и прихлыснул лошадь, и бедное животное привезло до дому нашего искупителя за новый строй.

Вы, быть может, скажете, что это мелочи обыденной жизни, но ведь и дело моего мужа создано на мелочах! Ведь были допросы тем мужикам, которых допрашивали, будто бы мой муж что-то говорил в частной беседе. Ничего не оказалось в действительности.

Теперь напишу вам биографию моего мужа.

Муж мой, сын крестьянина села Новодевичье Симбирской губернии, родился он в чувашском селе Елаур. Изба в то время у его родителей топилась по-черному, и ему же пришлось ходить в чувашскую школу и этого учения его лишали его родители, потому что он нужен был по хозяйству, как то; качать детей, щепать лучину, которая освещала избу. Когда ему исполнилось 13 лет, он ушел к кузнецу и был у него молотком от утра и до вечера бесплатно, лишь бы кузнец показал ему какую-нибудь работу. В 18 лет он служил на мельнице кочегаром, а потом служил на пароходах масленщиком, и во время зимовки в Астрахани он ходил на вечерние курсы. Здесь его образование немного стало улучшаться, а затем он поехал в Баку и там работал в мастерских на промыслах. И с

этого времени ему пришлось работать в партии, года и партию я указать не могу, потому что это было до меня. Муж мой женился в 1901-го 23 мая, ему в то время было уже 28 лет.

Скоро после свадьбы мы поехали в Баку, и он поступил на работу в частную мастерскую Беренич, а в 1902-м в мае он поступил слесарем в белом городке, Акционерное общество "Электрическая сила". В 1903-м у них была забастовка у служащих и рабочих, они демонстрировали у "волчьих ворот" города Баку. В то время мой муж говорил с трибуны речь, и в это время был сфотографирован правительственными властями, и после разыскан и посажен в тюрьму, и сидел 4 месяца, и был выслан на родину бессрочно. 1904-м он вернулся в Баку, по случаю рождения наследника был издан манифест. Поступил на работу слесарем в тоже общество, только на бибиэйбате. 1905-м у них была забастовка, мой муж ездил на переговоры к берлинскому консулу, которого наша комиссия арестовала, тогда в это дело ввязался Гофман, заведующий станции "Электрическая сила" в белом городке. В тоже время была тарская Армянская резня, и горел город пожаром, нас, служащих и рабочих с семьями, отправили на пароходы в море, а потом мы стояли в белом городке целую неделю. Вернувшись оттуда, у нас квартиры были ограблены кем-то. 1906-м были назначены к увольнению 12 человек, которые завоевывали положение рабочих. Уволен был мой муж, в это время на станции "Электрическая сила" директором был

Роберт Будуартович Классон, а завед<ующим>

Леонид Борисович Красин.

Это были большие друзья моего мужа, они всегда его упрекали в частной беседе в его прямоте и в беспощадности к администрации. В ту тяжелую годину Н<иколай> А<лександрович> не оставлял продолжать свое образование, он продолжал ходить в школу судовых механиков торгового флота на Каспийском море. После увольнения с "Электрической силы" нам пришлось, как безработным, поехать на родину, а те, которые были уволены, 12 рабочих, конечно, недолго прошло время, были опять взяты администрацией на работу. 1907-м он вернулся в Баку, поступил слесарем в частную мастерскую, название которой не помню и продолжил учиться в школе судовых механиков. 1908-м он сдал экзамен и получил звание механика на Каспийском море, и в тоже время его уволили из частной мастерской, опять мой муж является безработным. Но, увы, мало на это обращали внимание те, за которых он ораторствовал и сидел в тюрьме, а у нас вместо богатства накопилось 4 мальчика, и что сказать, была страшная минута после всех этих неудач в жизни.

Я, конечно, принуждена была обратиться с просьбой к моим родным, которые жили в то время в Новониколаевске и случайно имели свое дело: торговую баню в аренде мои родители и сестра родная с мужем. И что ж, они прислали денег на дорогу, и мы, забрав свой живой багаж, поехали в Сибирь. 1909-м мой муж служил машинистом в бане у моих родителей, по окончании аренды они решили обзавестись мельницей паровой, которую и построил им мой муж. Мамаше моей это не понравилось, что здесь дочь с мужем и семьей, а тем более зять революционных взглядов. 1911-м мой муж поехал в Новониколаевск и начал работать у мужа моей сестры, которая имела тоже торговую баню в аренде, здесь он недолго оставался. 1912-м ему пришлось уйти он поступил на мельницу помощником машиниста «Сибирский мукомол», <в> 1913 мой муж поступил на постройку железнодорожного моста через берег для алтайской железной дороги.

Закончив работу на мосту, тогда подрядчиком был инженер Зинкевич, он больше никуда не поступал на работу. Это вышло так, потрудивши мой муж для народного блага и поехал в Сибирь для того, чтобы семья не

умерла с голоду, самому ему и его детям пожить не пришлось. Дети начали свое образование в деревне вместе с макшанами, это не лучше чуваш, а те, за которых наш папа старался, остались благоденствовать, и дети ихние учились в городских школах и ездили на фаетонах в школу. Моя родная сестра, насмотревшись на мое жалкое существование, и неограниченная любовь и привязанность к моим детям, у нее своих не было, она решила подарить три тысячи рублей не мне и не моему мужу, а моим детям, которых у меня в то время было шесть детей. И на эти средства мы купили мельницу паровую шести-сильный локомотив и камень "семерик", в селе Захолустном Коченевского района Новосибирского округа, это было в 1915-м. А в 1916-м его взяли на военную службу, я одна оставалась и работала на мельнице, в это же время у меня родился седьмой ребенок. 1917-м он вернулся с фронта, начал работать на мельнице. И опять он не мог вести дело чисто коммерчески, у него все выходило как-то на братских началах, приехали к нему его брат с семьей, его сестра с семьей, кухарка с семьей, моя мама жила, у нас в то время детей находилось 17 человек. И здесь мы не могли есть кусок хлеба одни, который нам дали, а не сами нажили, в мельницу он приобрел корпус новый и помещение для машины, а остальное было все старое, потому что мы заработок весь съедали. В таком положении мы работали до 1924 года, в этом году мельница была отобрана, и работали на ней комитет <в>заим<о>помощи до 1927-го, а муж мой хлопотал об этом. И оказалось, что наша мельница в документах была семи поставная, и локомотив был 25 сил. В 1927-м ему ее вернули, он работал на своей мельнице до 1930 года один, потому что все его и мои родные разошлись от нас, потому что у нас работа прекратилась. И вот в это самое время мой парходный механик ушел весь в хозяйство, которое обрабатывал своими руками, машин сельскохозяйственных у нас не было. Сеял он 2 десятины самое большое, а главным его обработком было огород и сад, и деревья, которые он насадил сам. Березы, тополя, вяз, клен, калина, черемуха и садовые деревья — яблони, на которых должны расти сортовые яблоки, таких яблонь у него в саду насчитывалось 20, которые он выписывал из питомника. В 1931-м эти яблони должны плодоносить, и площадка 1000-чу квадратов была засажена малиной, еще не знаю, сколько кустов черной смородины, викинии, крыжовника и еще что-то. И здесь у него проглядывала какая-то батрачская выходка, никогда он не гордился ни образованием, ни знанием. Между прочим, ведь он мог бы вращаться в высшем обществе, а его не различали между рабочими, и он трудился над таким невзрачным делом. Мало кем замечено, можно сказать, что разводить сад это вещь обыкновенная, но где разводили в таком месте, где мы жили 15 лет, тяжело иметь даже огород, потому что болота, реки нет, а во время лета нужна поливка. Жители этого села не имеют себе огорода, потому что его загородить нечем, а мой муж не задумывался над этим, даже разводил плодовые деревья. А для поливки он выкопал 2 резерва и ранней весной напускал туда воду, резервы обсадил тополями, чтобы вода не высыхала. И вот в этой безводной пустыне ему нужно было трудиться, а жители над этим смеялись и говорили, что картофель мерзнет, а ты яблони сажаешь. Он их только обзовет лентяями, еще добавит, что ваше дело — варить самогонку и пить, а потом говорить, бедность вас заедает. Но мужики на это не обижались, своим трудом и трезвой жизнью он их поражал, они его никогда не видели даже в праздничной одежде, во всем этом, что я написала, можете справиться, вам подтвердят жители этой деревни.

О себе я скажу. Я дочь крестьянина села Тук мулы, я родилась в селе Сенгилей Симбирской губернии. В то время мой отец служил у купцов приказчиком, когда мне исполнилось 8 лет, у нас был большой пожар, в

это время и мы сгорели. Отец уехал на заработке в Астрахань, потому что здесь работы нет. Было 9 лет, меня отдали в школу, я проходила одну зиму в ботинках по снегу, потому что валенки было купить не на что, нас у мамы было четверо, она жила в кухарках у богатых людей и получала за это 2 рубля в месяц. А мука в то время была 2 рубля 50 копеек пуд. Мы оставались с бабушкой, отец к нам не появлялся. 8 годов маме пришлось нас одной кормить, я была старшая из детей, проходивши одну зиму в школу, меня отдали в прислуги, мне в то время было 10 лет. Конечно, на этом и закончилось мое образование, а в прислугах я прожила у одной и той же хозяйки 8 лет, и от нее вышла замуж. Мне в то время 18 лет, а теперь мне 48 годов. Я пишу из Сенгила, потому что я надеялась, что его родня, быть может, что-нибудь получали от моего мужа, но и им ничего не писал.

Екатерина Павловна, прошу вас, ответьте мне, пожалуйста, на это письмо, я вам пошлю манки. Адрес мой: Новосибирская улица, дом № 7, Анне Юрьевне Васильевой, передать Екатерине Аристарховне Беляевой.

Что нужно будет добавить, я вам напишу, вы меня спросите, есть документы моего мужа, где он служил, если нужно будет, я вам вышлю. До свидания.

Село Сенгилей. 1930-го 30 октября.

Е. Беляева.

Я немного добавлю. В апреле месяце нам назначена комиссия для рассмотрения дела об обжаловании и заявлении. Я подавала заявление в комиссию Коченевского района и просила, чтобы комиссия мне вернула хотя бы часть моего имущества. В доме оставалось 14-ть стульев, 10-ть столов, 1 мягкий диван, 1 книжный шкаф, 3-и железные кровати, 5-ть деревьев фикусов, на кухне 1 самовар, 5-ть табуреток, 3-и скамьи, 3-и ведер железных. Во дворе 1 корова, 3-и свиньи, 8-мь куриц, 1 телка 1 года и другая телка 1 месяц, 3 воза сена, 2 сажени дров, 500 кизяков и еще на кухне посудный шкаф.

Комиссия Коченевского района мне в этом отказала»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 481. С. 31-34. Автограф.